

14 ОКТ 1971

«Чудаки» и песни Валентина Никулина

В конце интервью обычно стоит фраза о том, что вел его такой-то или такая-то. К этому интервью, если быть справедливым, подобная фраза неприменима: она подразумевает, видимо, «лидирующее» положение журналиста и готовность его собеседника бесприкословно следовать по прямым или извилистым тропам интервью. В разговоре с актером Московского театра «Современник» Валентином Никулиным безусловным лидером был он сам. Моя роль практически свелась к записыванию его «монолога».

— Вероятно, вас я интересую прежде всего как киноартист и в связи с приглашением сыграть одну из ролей в многосерийной ленте «Таджикфильма» «Человек меняет кожу»? Начну с моей работы на вашей студии. Это не случайное приглашение. С полгода назад я был почти уверен, что сумел — тому ряд причин — отказаться от роли главного инженера строительства Немировского. И однако режиссер Борис Кимягаров в итоге убедил меня в обратном — он «видел» в этой роли меня, и

только меня. Не согласиться после этого я уже не мог.

Сниматься у Кимягарова только начал, поэтому ничего конкретного о роли Немировского сказать не могу.

А до Таджикистана была Туркмения. Объединение центрального телевидения «Экран» снимало там фильм «Долг» по среднеазиатским рассказам Всеволода Иванова. В центре фильма — два комиссара. Одного сыграл Николай Олялин, другого я. Сравнительно недавно прошла по экранам «Волчья стая» («Беларусьфильм» по повести Василия Быкова). Там моя роль — дед Грибоед. В новом советско-болгарском фильме, «Русалочка» исполнил две роли — великого сказочника Андерсена (сказки которого легли в основу сюжета картины) и бродяга Сульпитуса. Мой бродяга — это вариация на тему Кола Брюньона, человека века свободного, скитающегося, умеющего «вылезть сухим из воды» и не без страностей...

— А другие ваши чудаки в кино? Я до сих пор помню фильм десятилетней

давности — «Таинственная стена», где вы играли наигранный чудака, пришедшегося молодому ученому, герою Андрея Миронова...

— Пожалуй, «странные люди», сыгранные мною, — тема отдельного разговора. Если же вспомнить чудаков, то это — доктор Гаспар из «Трех толстяков» и ботаник Георгий Стеллер из «Баллады о Беринге». И тут не на чудаковатость характеров я бы ориентировал ваше внимание. Тема добра, бескорыстия, стремления к тому, чтобы мир стал лучше, честнее, счастливее, тема непрекращающегося нравственного поиска — вот ради чего живут мои чудаки. Они неуспокоенны, они в борьбе с худшим в себе и с окружающими их злом, цинизмом, практицизмом. Конечно, добро, и тем более, в сказках, всегда побеждает зло; но как, какой ценой расплачиваются мои герои за порыв к идеальному, к справедливости? Часто — ценой собственной жизни: Актер — «На дне» и Трапез — «Чайка» (работы в театре), дед Грибоед, Сульпитус, Стеллер; можно

вспомнить другие образы из 20 кинофильмов с моим участием. ...Вы говорите — и Смердякова из «Братьев Карамазовых»? Может, это и нескромно, но считаю роль Смердякова чуть ли не подвигом — очень уж мучительно она мне давалась.

О песнях тоже? Хорошо. Обо всем, так обо всем. Сначала только — одно существенное уточнение. Сейчас вошло в привычку говорить, даже есть такая рубрика на радио: «поют драматические актеры». Мое мнение таково: драматические актеры ни в коем случае не поют, они исполняют песни, размышляют в песнях. Песни для актера — не музыка, не ритм, а прежде всего, поэзия, мысль, разговор со слушателем на равных и о главном. Для меня песня — возможность делать то, что не сделано мною в театре и кино и, что органичнее удастся раскрыть именно в песне. Мои песни — это и «мои» поэты: Булат Окуджава, Олег Чухонцев, Давид Самойлов, Евгений Евтушенко. В конце прошлого года вышла большая пластинка с записями моих песен. К ней

я не стремился специально. «Альбом» — не более, чем естественный результат моих восьмилетних усилий в песенном направлении.

Валентин Никулин — эмоциональный, взрывчатый, искренний, самоуглубленный — чем-то похож на своих героев (или они похожи на него?) Отсюда — интонации доверительности, открытости и требовательности в общении актеров с людьми. Никулину очень дорога атмосфера непринужденности и откровенности. «Получилось так, как хотелось — будто эти 400 человек пришли ко мне в гости, на чай», — сказал Никулин о своем творческом вечере в ВТО. А в завершение этого монолога — интервью он сказал, что не имеет ничего против, если такой же вечер состоится у него и в Душанбе. «Особенно хорошо было бы встретиться со студенческой аудиторией». Добавим: надемся на то, что эта встреча в каком-нибудь столичном вузе обязательно состоится...

К. КОНСТАНТИНОВ.